

Владимир Короленко

Братья Мендель

Владимир Галактионович Короленко

Братья Мендель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=132432

Аннотация

«В нашем городе было несколько хедеров и одно еврейское ремесленное училище. Оно было основано каким-то филантропом, уроженцем города, сделавшим карьеру в других местах, частью даже за границей. Он с сожалением смотрел на ту отсталость, в которой коснели евреи на его родине, и находил, что они слишком исключительно предаются торговле и мелкому гешефту. В талмуде говорится: почернеют лица у народа, преданного исключительно торговле... Это тоже одно из проклятий изгнания, предсказанное еще Иакову. Чтобы ослабить тяжесть этого проклятия, филантроп решил поощрять ремесла и постепенно ввести в косную среду элементы светского просвещения...»

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Владимир Галактионович Короленко Братья Мендель *Рассказ моего знакомого*

I

...Вы знаете, я родился и вырос в так называемой теперь «черте оседлости», и у меня были товарищи, скажу даже друзья детства – евреи, с которыми я учился.

Наш город был один из глухих городов «черты». В то время как в других местах и костюмы, и нравы еврейской среды уже сильно менялись, – у нас, несмотря на то, что еще не исчезла память о драконовских мерах прежнего начальства, резавшего пейсы и полы длинных кафтанов, – особенности еврейского костюма уцелели в полной неприкосновенности. Полицейские облавы прежних времен имели исключительно характер «фискальный». Еврейское общество платило, что следует, и после этого все опять шло по-старому.

Впрочем, я уже не помню этих облав. Прогресс брал свое: «фиск» принял менее дикие формы.

В нашем городе было несколько хедеров и одно еврейское

ремесленное училище. Оно было основано каким-то филантропом, уроженцем города, сделавшим карьеру в других местах, частью даже за границей. Он с сожалением смотрел на ту отсталость, в которой коснели евреи на его родине, и находил, что они слишком исключительно предаются торговле и мелкому гешефту. В талмуде говорится: почернеют лица у народа, преданного исключительно торговле... Это тоже одно из проклятий изгнания, предсказанное еще Иакову. Чтобы ослабить тяжесть этого проклятия, филантроп решил поощрять ремесла и постепенно ввести в косную среду элементы светского просвещения. В училище преподавали общеобразовательные предметы, арифметику, немного физики, алгебру и геометрию.

Но все это нужно было делать с разумною осторожностью, чтобы не отпугивать среду: в школу ходил также меламед¹, и в известные часы, в промежуток между другими уроками, из классных комнат несло тонкое, многоголосое жужжание. Высокий носовой тенор меламеда речитативом произносил какой-нибудь стих, а затем класс пел, чмокал и жужжал нараспев соответственную «тосефту»². Младшие ученики ходили в долгополых кафтанчиках, в ермолках и отращивали пейсики. В старших классах, ввиду удобства для работы, воспитанники носили рабочие блузы, пиджаки и даже порой щеголяли в крахмальных воротничках и котелках.

¹ Меламед – учитель еврейской духовной школы.

² «...соответственную тосефту» – соответствующую выдержку из талмуда.

Это уже был прогрессивный компромисс, и старики неодобрительно качали головами.

Во главе школы стоял господин Мендель.

Это был человек очень подходящий для своей роли. При самом основании школы филантроп прислал его откуда-то из других более цивилизованных мест. Он носил старозаветный еврейский костюм: долгополый кафтан из тонкого сукна, сшитый таким образом, что он одновременно напоминал и лапсердак, и европейский сюртук. В официальных случаях он надевал настоящий сюртук. Из-под его жилета, когда он вынимал часы, виднелись шелковые «цицес», вроде моточков ниток, ритуальная принадлежность традиционного еврейского костюма.

Училище выпустило уже много ремесленников, и они пользовались отличной репутацией. На годовых актах присутствовали губернаторы. Тогда еще считалось, что содействовать просвещению еврейской массы – полезно. Думали, что таким образом может произойти постепенная ассимиляция. Учеников школы охотно брали к себе помещики для разных работ в имениях, и при этом нельзя было иметь уверенность, что им не придется порой вкушать «треф»³; но в школе все обряды исполнялись строго, и сам господин Мендель никогда не пропускал ни шему, ни тефилы⁴. Посетителям нередко приходилось ожидать, пока г-н Мендель с тале-

³ Треф – еда, запрещенная еврейским законом.

⁴ «...ни шему, ни тефилы» – ни вечерней, ни утренней молитвы.

сом и тфилим⁵, похожий на ветхозаветного иудея, доканчивал свои молитвы, жужжа и покачиваясь на восток...

– О, Мендель-отец настоящий еврей! – говорили в городе. А настоящий еврей, как известно, исполняет ежедневно не менее ста заповедей... Так говорит талмуд...

Отца и матери я не помнил и вырос в семье дяди. У дяди и его жены была только одна дочь, и они любили меня как сына. Дядя по принципу воздерживался от проявлений нежности, которые считал вредными для мальчика. Тетка, существо очень доброе и любящее, отдавала мне весь избыток нежности, не ухотивший на одну дочь, и я совсем не чувствовал своего сиротства.

Дядя был видный чиновник либерального тогда акцизного ведомства. В этом ведомстве терпелась значительная доля свободомыслия, которое, по тогдашним взглядам, гарантировало от традиционного взяточничества. И действительно, дядя отличался в губернской среде значительной свободой взглядов и строгой честностью.

Однажды ему пришлось сделать в ремесленном училище большой заказ для канцелярий, и на этой почве он познакомился с г-ном Менделем. Сначала он съездил в мастерские; посещение пришлось повторить для разных указаний, а затем между ним и Менделем завязались довольно близкие личные отношения.

Дядя, человек с небольшим образованием (он был, впро-

⁵ Талес, тфилим – молитвенное облачение для мужчин.

чем, вольнослушателем университета), много читал и имел большую склонность «к умозрительным наукам и отчасти даже к философии», – как порой выражался он сам. Религиозные вопросы интересовали его глубоко и сильно. Много в том, что он читал, как я теперь вспоминаю, он понимал весьма своеобразно, но, во всяком случае, он выработал «своим умом» некоторую систему взглядов, вполне подходящую для собственного употребления и придававшую ему нравственную устойчивость и душевную ясность.

С г-ном Менделем они как-то скоро сошлись. Несмотря на разницу национальностей, у них оказались родственные натуры. Несмотря на искреннюю набожность Менделя, в нем до известной степени чувствовалась та склонность к «разумному компромиссу», которая в сношениях с христианами выделяла его из фанатически правоверной среды. Целые вечера дядя и Мендель проводили в разговорах. Мендель хорошо знал талмуд и порой расцветчивал свою речь по-восточному яркими, своеобразными притчами и сравнениями. Дядя убежденно считал христианство лучшей религией и последним откровением, хотя и допускал, что в него проникли некоторые искажения. Порой он довольно горячо принимался доказывать эти преимущества г-ну Менделю. Последний осторожно, но очень убежденно отстаивал Моисеев закон. Впрочем, оба сходились на уважении ко всякой искренней вере. Так как индивидуальная мысль легко может приводить к опаснейшим заблуждениям и полному неверию, а полное

неверие представлялось обоим самым худшим из душевных состояний, – то всего осторожнее держаться той веры, в которой человек родился. Дядя допускал возможность перехода к «лучшей вере», но не иначе, как в порыве истинного религиозного пафоса и душевного просветления. У него, кажется, была некоторая надежда, что ему, быть может, суждено убедить таким образом г-на Менделя. У г-на Менделя такой надежды, конечно, быть не могло, и он был совершенно лишен прозелитизма. Он никогда не нападал, и если вступал в споры с дядей на религиозной почве, то лишь по обязанности «доброго еврея» исповедовать бога Авраама, Исаака и Иакова во всякое время и при всяких подходящих обстоятельствах. В этом было больше страха показаться отступающим от своего исповедания, чем стремления победить чужое... Говорил он необыкновенно спокойно и часто озадачивал дядю какой-нибудь яркой «агадой»⁶, поражающей восприимчивое воображение. Порой, после ухода умного еврея, дядя до поздней ночи сидел за своим столом, качаясь в кресле, или ходил из угла в угол, что-то обдумывая и подыскивая возражения. И потом они опять начинали спор с этого места.

Время в провинции, и особенно в нашем городе, без железной дороги, было глухое, и эти два человека поддерживали взаимным общением свои умственные интересы. На этой почве сближение между умным евреем и видным губерн-

⁶ Агада – часть талмуда, излагающая легенды из древней истории еврейского народа.

ским чиновником росло, и вскоре они познакомились и семьями. Мендели стали появляться в нашей гостиной, где, конечно, им приходилось встречаться также с господами и дамами губернского общества.

Мендель при этом держался просто, но с той внешней, так сказать, традиционной почтительностью, под которой классовая или национальная подчиненность часто уживается с глубоким и спокойным самоуважением. В его приемах как-то едва ощутимо сказывалось как будто непрестанное сознание, что вот он, «простой себе еврей», сидит в гостиной или в кабинете у «гоя»⁷, важного «пурица» и чиновника, и что для его долгополого кафтана, хотя и сшитого из тонкого сукна, – это большая честь... Но это была именно внешняя манера, своего рода национальная традиция, которую он носил вместе с долгополым кафтаном и выющимися пейсами. Ему же лично принадлежало то полное внутреннее достоинство, почти аристократическое спокойствие, с которым он проявлял эту традицию. В случаях, когда ему приходилось подкрепить какое-нибудь обещание, подтвердить торжественное заверение, – он произносил неизменную фразу: – Как честный еврей! – Иногда это произносилось даже по-еврейски: «ви их бин а ид»... В этой формуле эпитет «честный» выпускался. Достаточно того, что говорящий – еврей! Этим сказано все, что нужно... Фраза звучала торжественно, почти гордо...

⁷ Иноверец, не-еврей (евр.)

В его лице, тонком, довольно красивом и выразительном, еврейский тип сказывался довольно ясно.

Жена его была настоящая «дама», и по первому взгляду в ней трудно было признать еврейку. Она, очевидно, получила «порядочное», как тогда говорили, то есть светское воспитание где-то в Галиции, чисто говорила по-польски, а по-русски с изящным польским акцентом. Единственная дань еврейским традициям в ее внешности, которую, очевидно, потребовало положение г-на Менделя, – был парик, которым она все-таки заменила свои, вероятно, красивые природные волосы. Но он не был гладкий, как у большинства замужних евреек. Она подбирала его так, чтобы он хоть до известной степени напоминал ее прежнюю прическу. В остальном она ничем не отличалась от наших знакомых дам, а своим изяществом и манерами даже превосходила многих. Сознание этого сказывалось порой в удивленных, почти негодующих взглядах, которые невольно кидали на нее некоторые из посетительниц нашей гостиной.

– Эта еврейка держится совсем *en grande dame*...⁸ – говорили слегка насмешливо дамы из общества. – Странная претензия!

Мужчины признавали, однако, что именно претензий в манерах красивой еврейки совсем не было заметно.

Но все-таки странно: несмотря на чрезвычайную независимость ее манер, в ней не чувствовалось все-таки того спо-

⁸ Как важная дама (франц.)

койствия, которое сказывалось под внешней почтительностью г-на Менделя. Ее красивые глаза порою нервно блестели, а лицо покрывалось летучим румянцем. Это было тоже почти неуловимо, но все же чувствовалось... И может быть, это нравилось в ней, как нравились и манеры ее мужа...

Говорили, что ее семья была когда-то очень богата, но теперь от этого богатства уцелели лишь остатки, которые она и принесла в приданое г-ну Менделю. Как случилось, что красавица и модница вышла за старозаветного еврея, хотя и образованного по-тогдашнему, но все же сильно отличавшегося от нее манерами, – сказать не могу. Может быть причиной была выразительная наружность, уважение, которое ему оказывали, наконец просто – воля родителей... Как бы то ни было, жили они, по-видимому, согласно. Мои дядя с теткой шутили иной раз между собой, что г-н Мендель сильно влюблен в свою жену, и мне, помню, это казалось странно, как и то, что будто бы она держала своего уважаемого супруга под башмаком. В моем воображении эти романтические черты совсем не вязались с представлением о «настоящих евреях». Она, – это еще казалось возможным... Но г-н Мендель влюбленный и под башмаком... Но это, кажется, было так. И особенно это сказалось в отношении к детям.

Однажды Мендели пришли к нам с двумя сыновьями и дочкой. Дядя позвал меня и сестру в гостиную и сказал серьезно:

– Ну, вот вам товарищи. Познакомьтесь. Я желаю, чтобы

вы подружились так же, как дружны родители.

Дядя как-то тепло посмотрел на Менделя. Тот дружески, но все же почтительно кивнул головой и погладил свою красивую волнистую бороду. По лицу г-жи Мендель, как неуловимая зарница, пробежал румянец, и она значительно посмотрела на сыновей и дочку, как бы тревожась: поддержат ли они свое достоинство хорошо воспитанных детей.

Один мальчик был значительно выше и, по-видимому, старше меня. Он походил на г-на Менделя, только черты были несколько грубее, движения угловатое и гимназический мундир сидел на нем чуть-чуть мешковато. Наружность младшего меня удивила. На нем был долгополый кафтанчик, какие носили младшие ученики ремесленного училища. Ермолочка покрывала коротко остриженную голову, и по сторонам висели пейсики. Эта разница в наружности двух сыновей объяснялась супружеским компромиссом. Первые годы учения дети проводили в хедере и только с известного возраста поступали в гимназию. Для старшего этот подготовительный возраст длился дольше, и он казался несколько долговязым в своем мундире. Младший уже последний год выкрикивал в хедере стихи талмуда. К нему уже ходили и учителя, подготовлявшие его в гимназию.

Девочка была одета, как куколка, и красива, как мать. Ее голова была слегка запрокинута, и нижняя губка чуть-чуть выдвигалась вперед, что придавало ей вид некоторой надменности. Звали ее Маней.

Когда мы вышли в сад, некоторое время в нашем маленьком обществе господствовала натянутость. Маня нашлась скорее: она подошла к клумбе и стала любоваться цветами... У них при квартире не было цветов. Как они называются? Сестра стала называть цветы. «Отец очень любит цветы, и вот эти – его любимые. Он сам за ними ухаживает, когда свободен...» Разговор завязался. Гостья наклонялась к цветам, как маленькая принцесса.

У нас, мальчиков, дело шло труднее: некоторое время мы ходили по аллеям смущенные и неловкие. Не знаю, как обошлось бы это первое знакомство и не кончилось ли бы оно охлаждением и скукой, если бы его не облегчило постороннее вмешательство. Из сада нашего соседа, г-на Дробыша, внезапно перескочил через забор единственный его сын, Степа Дробыш, мой одноклассник, и остановился в удивлении при виде незнакомых посетителей. Но долго удивляться было не в обычае этого моего развязного приятеля.

– Кто это у вас такие? – спросил он без церемонии. – А, этого я видел, продолжал он, подавая руку старшему. – Он из нашего класса, только второго отделения... А это что за «вусыдыс»?⁹ И какие у него смешные пейсы!

Он повернулся к младшему, оглядел его с ног до головы и, неожиданно протянув руку, тронул один из пейсов.

Маленький лапсердачник вспыхнул. Глаза его засверкали, как острые гвоздики, и быстрым кошачьим движением

⁹ Что это такое? (евр.)

он кинулся на обидчика. Дробыш стоял у края клумбы. При неожиданном толчке он запнулся и упал назад, сломав любимые цветы дяди. Это очень сконфузило Дробыша. Он поднялся и стал с беспокойством смотреть на произведенные падением опустошения. Его маленький противник стоял, весь насторожившись, ожидая, очевидно, продолжения битвы.

Но Дробыш был малый добродушный и сознавал, что еврейчик был в своем праве. Кроме того – общее сочувствие было не на его стороне.

– И отлично, и отлично, – сказала с негодованием моя сестра. – Надо быть вежливым со всеми, а вы, Степа, грубиян и невежа.

– Ну, что ж... Я и не обижаюсь, – смиренно сказал Дробыш.

Тут он заметил Маню и вдруг остановился с простодушным выражением приятного удивления.

– А это кто у вас, Аничка? Их сестра? Какая хорошенькая! И совсем не похожа на жидовочку.

Маня еще больше запрокинула свою красивую головку, губка ее еще больше выпятилась, и она, повернувшись к сестре, сказала вполголоса, но так, что Дробыш слышал:

– Какой невоспитанный! Терпеть не могу бесцеремонности.

Дробыш засмеялся, хотя и несколько кисло. Но потом отряхнулся и дружески взял за руку недавнего противника.

– Ты молодец, – сказал он, – только дерешься по-кошачьи.

Ну, давай познакомимся. Меня зовут Степан Дробыш. А тебя?

– Фроим Мендель, – сказал тот и шаркнул ногой по песку аллеи. Было видно, что так кланяться при знакомстве его научила мать.

– Ну, молодец Фроим. Ах, чорт возьми, я, кажется, разорвал рукав... Ну, ничего! Скажи, брат: это тебя в хедере, что ли, так научили драться? У нас в гимназии дерутся не так...

– Я в будущем году тоже поступлю в гимназию, – сказал Фроим. – Израиль тоже прежде учился в хедере, а потом поступил в гимназию.

– За коим чортом ходить в хедер? – спросил Дробыш.

– Это потому, – сказал серьезно Израиль, – что мы евреи... Отец хочет, чтобы мы и в гимназии остались добрыми евреями...

– Фью! – свистнул Дробыш. – В гимназии вы будете гимназисты...

– Мама тоже говорит, что в гимназии мы будем гимназисты, как все... – живо подхватил Фроим. – И она зовет меня Альфредом...

– Но ты все-таки останешься Фроим... И тебя так запишут, – строго сказал старший.

– Да, меня так запишут, но звать можно и Альфредом...

Дробыш пригласил всю компанию кататься на плоту в их саду. Девочки пошли кругом через калитку, а нам пришлось перемахнуть через забор. Израиль перелез несколько грузно.

Фроим живо подобрал длинные полы, перевязал их в талии фуляровым платком и перебрался очень ловко. Когда он соскочил на другую сторону, все мы кинулись к небольшому пруду, куда вскоре прибежали и девочки. Дробыш хохотал, указывая на Фроима. Его фигура с подобранными полами, в черных чулках и патыночках, была точно маленькая шутливая пародия на взрослого еврея... Смех был так непосредствен, что Фроим нисколько не обиделся. Он провел руками по пейсам, поднял брови и скорчил гримасу. Маня слегка покраснела, думая, – не надо ли опять усмирить Дробыша, но потом звонко засмеялась и сама. И наше катанье на плоту прошло очень весело.

Когда нас позвали к чаю, мы ввалились в гостиную уже знакомой приятельской гурьбой. У нас были еще гости: г-н Фаворский с супругой. Г-жа Фаворская была родственница губернаторши, г-н Фаворский был ее муж, то есть свойственник губернатора. Это было их общественное положение. В гостиной царствовала некоторая натянутость. Чувствовалось, что г-жа Фаворская слишком старается поддерживать разговор в угоду дяде, который был известен за «человека с идеями»... У г-на Фаворского были огромные усы и очень молчаливый нрав. Когда мы вошли, оживленные и голодные, – г-жа Мендель кинула на нас тревожный взгляд, но тотчас же успокоилась. Все, очевидно, шло хорошо. Знакомство состоялось. Девочки вошли, держась за руки. Фроим, конечно, привел свой костюм в порядок. Его лицо все

еще дышало юмором, и в глазах бегали искорки. Все мы, переглядываясь, чаще всего обращали глаза на Фроима. Г-жа Мендель была удовлетворена. Все шло нормально: и здесь ее любимец стал центром юной компании.

Когда Мендели ушли, Фаворские еще остались.

– Он удивительно, удивительно умеет держать себя – этот еврей, – сказала г-жа Фаворская, обращаясь к дяде, с целью сказать ему приятное. – Такой приличный и столько такта. О, я всегда говорю, что и среди них есть люди... люди... которые...

– Которые умеют уважать себя, и потому их вынуждены уважать другие, – сказал дядя серьезно.

– Ну, вот, вот... Он удивительно тактичен...

– И она тоже женщина очень милая, – вставила тетка своим ласковым голосом, слегка растягивая слова.

– Н... да, – протянула г-жа Фаворская снисходительно, но в этом согласии слышалось отрицание. – Не находите ли вы, – обратилась она опять к дяде, – что младшему мальчику больше идет его ермолочка, чем старшему мундир?.. Так хорошо, когда люди знают свое место. Вы... не находите этого? – с некоторой тревогой переспросила она.

– Младший тоже поступит в гимназию, – довольно сухо ответил дядя.

– Да-а? – разочарованно протянула дама. – Но тогда зачем же... Зачем они так одевают его теперь?

– Мендель считает, что раньше, чем поступить в гимна-

зию, они должны научиться быть евреями.

– О, да-да! Им не следует забывать этого... Как их почтенный отец... Он нисколько не заносится, не старается держать себя выше своего звания... Не правда ли?

– Его звание – педагог... Оно довольно высокое, – сказал дядя. Было видно, что разговор не совсем ему по душе.

– Да, да! Вы правы. Вы совершенно правы!.. Я всегда говорю то же самое.

И г-жа Фаворская стала горячо целоваться с теткой на прощанье.

С этого дня знакомство наше закрепилось. Приблизительно через год г-жа Мендель зашла как-то к тетке и, точно случайно, захватила с собой Фроима. Он был в новеньком с иголочки гимназическом мундире.

– Какой вы хорошенький гимназистик! – невольно вырвалось у моей Анички.

– Да, в самом деле, он у вас красавчик, – подтвердила тетка, окидывая Фроима внимательно-ласковым взглядом.

Это была правда: одежда сильно меняла к лучшему наружность мальчика. Типично еврейских черт у него было гораздо меньше, чем у отца и брата. Он больше походил на мать и сестру – только в нем не было застенчивости, и глаза сверкали веселым задором. Еврейский акцент в его речи почти исчез, о чем он, видимо, очень старался.

Г-жа Мендель покраснела от удовольствия и кинула на мою тетку взгляд, полный застенчивой благодарности.

– Ну, а как же вы записали его в гимназию. Все-таки Фроим? Как это жаль. Надо было оставить это вместе с ермолочкой... Альфред, Фредди... Положительно, это шло бы к нему лучше...

– Это желание Менделя, – вздохнула она. К концу этого разговора вошел в гостиную дядя. Он тоже любовался на Фроима и сказал:

– И отлично, что он остался Фроимом. Не надо отрекаться от имени, данного человеку при...

Он чуть не сказал: при крещении, но спохватился и закончил:

– Данного при рождении. Родился Фроимом, так и оставайся Фроимом. Твой отец прав.

Он хлопнул мальчика по плечу и серьезно посмотрел ему в глаза. Фроим так же серьезно поклонился. Г-жа Мендель могла остаться довольной важной грацией этого поклона.

Тетка осталась при своем мнении, и, когда г-жа Мендель ушла, она сказала дяде, пожав плечами:

– Всегда вы, мужчины, поддерживаете друг друга... Если можно было записать Фредом, пусть бы записали... Они ведь не крестятся. Зачем эти Шмули, Лейбы, Срули?.. Это так некрасиво и вульгарно.

– У них имя дается при обрезании. А для еврея это все равно, что для нас крещение.

– Ну уж, – с легкой улыбкой сомнения сказала тетка.

В гимназии Мендели учились хорошо. Старший был скло-

нен больше к математике, младший отлично усваивал языки и историю. Старший был ровно прилежен, у младшего плохие отметки то и дело вкрапливались среди блестящих успехов. Он был очень самолюбив, и его сильно задевали насмешки товарищей над отсутствием развязности и неловкостью евреев. Через некоторое время он отлично танцевал и прекрасно бегал на коньках. Порой запоем предавался чтению. Вообще он был неровен, блестящ, возбуждал больше симпатий и навлекал больше наказаний, чем старший брат, который шел без остановок и отступлений.

Тогда еще не было того, что мы теперь называем антисемитизмом, хотя не было и еврейского равноправия. Черта оседлости существовала, как данный факт, незыблемый и не подвергавшийся критике. Впрочем, и многое тогда казалось незыблемым и не подвергалось критике, и оттого все легче было переносить, как судьбу, предназначение, извечное устройство мира. Об изменении положения евреев никто и не помышлял. В этом числе – сами евреи. Я не помню даже, чтобы самое слово «черта оседлости» когда-нибудь употреблялось в то время. Евреи просто жили в известных местах, как испанцы живут в Испании, французы во Франции, а наши крымские татары в Крыму... И казалось, что это удобно... Не было громко заявляемых притязаний, не было и антисемитизма. Не было протеста с одной стороны, не было прямой враждебности с другой. Но в этом спокойствии, под этим не только нерешенным, но даже не поставленным

еще ни для одной из сторон «вопросом» дремали возможности и того и другого: и активной вражды, и протеста, и требований равноправия, и... погромов.

Тогдашние гимназии тоже не знали неравенства воспитанников-евреев, в корне извращающего внутренние отношения в товарищеской среде. Педагоги, ругающие своих питомцев жидами и читающие на уроках антисемитские листки, тогда были еще не виданы. Процентная норма не существовала. Учились все, кто имел желание. Наши отношения к соученикам-евреям были по-товарищески просты... В нашем классе был один француз, родители которого недавно приехали в Россию. Он говорил по-русски грамматически правильно, но с грассированием и акцентом. В его старательной речи порой попадались курьезные обмолвки, возбуждавшие смех. Но в этом смехе не было ничего обидного. Это был просто корректив со стороны юной товарищеской среды. Так же нам случалось смеяться над акцентом и ошибками евреев.

Мы узнали Менделей, когда один носил мундир, а другой ходил еще с пейсами и в ермолке. С легкой руки Дробыша, пустившего карикатурное изображение мальчика в лапсердаке и патынках, – младшего Менделя прозвали цадиком¹⁰. Старшему случилось как-то обмолвиться, – он говорил вообще правильно, но когда его застигали врасплох, в его речи

¹⁰ Цадик (др. – евр. – праведник) – у набожных евреев – духовный наставник, которому приписывается особая чудодейственная сила.

прорывались резкие юдаизмы. Однажды он был погружен в занятия, когда кто-то из товарищей постучался в закрытую дверь. Сначала он не расслышал. Потом, когда настойчивый стук дошел до его слуха, он поднял голову и спросил громко, нараспев:

– Киво' т-а-ам?

С этих пор его звали рабби Кивот-а-ам и дразнили этим певучим вопросом.

Все это не связывалось ни с каким общим направлением. Евреи сами смеялись над французом и позволяли смеяться над собой. Но что-нибудь ядовито-обидное было бы встречено резким осуждением и товарищей, и педагогов... Смеялись над смешным и только. Когда в наш город приехал известный тогда рассказчик из еврейского быта Вейнберг, зал был полон, причем публика состояла наполовину из евреев... Евреи хохотали так же непринужденно, как чисто русская публика хохотала над рассказами Горбунова «из русского быта». И некоторые пассажи мы применяли к товарищам-евреям... Теперь этой свободы уже нет. Даже литература молчит о тех или других чертах исторически сложившегося еврейского национального характера, остерегаясь совпадений с лубочной юдофобской травлей. Свобода критики пасует перед угнетением.

Тогда мы этого еще не знали. Мы как-то не чувствовали, не ощущали разницы наших национальностей. Разница отводилась на самые безжизненные и скучные предметы гим-

назического курса. Священника мы слушали, так же зевая, как поляки своего ксендза. Раввина совсем не было, и Мендели становились, действительно, «просто гимназистами». Впрочем, их посещал порой по настоянию отца умный и ученый меламед. Фроим шутил над ним. Израиль перед нами не высказывался по этому предмету, и мы считали, что он просто переносит своего раввина с философскою сдержанностью. Он вообще был расположен не только к математике, но и к философии и читал, как мы тогда говорили, «всю метафизику».

– Что такое есть метафизика? – смеялся над ним Фроим. – Это есть то, чего не понимает сам мудрый Израиль и чего не может объяснить своему глупому брату Фроиму... Ну, так это и есть метафизика...

Израиль снисходительно улыбался.

– Ну-у? – дразнился на еврейский лад Дробыш. – Чиво вы себе думаете? Это у него осталось от хедера. Он такой себе мудрый... Он все думает, все думает... – Думай, думай, только не спи! – кончал Фроим из известного еврейского анекдота.

Этот анекдот в то время был очень популярен. У простого еврея оказался очень мудрый сын. Он все читал талмуд и все думал о разных очень глубоких вопросах.

Однажды отец с сыном поехали на телеге в город и остановились в поле ночевать. Лошадь они привязали на вожжах к дереву так, чтобы она могла щипать траву. Караулить ее они

решили попеременно. Сначала не спал отец, потом он разбудил сына. – «Смотри, Шмуль, ты не заснешь?» – Нет, я буду думать. – «Ну, думай, думай, только не спи». Через некоторое время отец просыпается. – «Шмуль, ты не спишь?» – Нет, я думаю. – «О чем же ты думаешь?» Сын думает о том, что если ткнуть палкой в землю, то получится ямка, а куда же девалась эта земля, что вот была тут, а теперь нет? – «Ну, думай, думай, только не спи!» – произносит удовлетворенный еврей. О, у него мудрый сын. Так он просыпается несколько раз. Сын задает себе и разрешает целый ряд таких вопросов. Наконец опять: «Шмуль, ты не спишь?» – Нет, я думаю. – «О чем же ты думаешь?» – Я думаю о том, что вот тут была белая лошадь, а теперь ее нет. Куда же она девалась? – Лошадь, оказывается, украли.

Мы применяли этот анекдот к Израилю. Он, действительно, часто бывал рассеян и имел вид человека, погруженного в постоянную задумчивость. О чем он думает – мы знали только отчасти. При общих чтениях он спорил редко, но его мнения всегда бывали оригинальны и не подходили к шаблонам.

Я, Израиль Мендель и Дробыш были уже в последнем классе. Фроим перешел в шестой. Но – как это иногда бывает – он держался больше в кружке старшего брата, и мы считали его товарищем. В наших внеклассных чтениях он принимал участие полудилетантское, часто манкировал, но иногда увлекался и просиживал целые дни над какой-нибудь тол-

стой книгой. Порой его парадоксальные возражения, неожиданные, не всегда основательные, но всегда уверенные, стремительные и страстные, затягивали наши споры до глубокой ночи. Израиля это иногда сердило. Нас и других участников больше забавляло. Израиль сердился особенно, когда Фроим высказывал прямолинейно атеистические взгляды. Все мы, в сущности, были проникнуты передовыми взглядами и философией того времени. Все относились совершенно отрицательно к обрядам и довольно равнодушно к тому, что еще оставалось у нас от религии. Нам было лень и недосуг разбираться в этом. Но что-то еще оставалось, и особенно сильно в Израиле. Это, кажется, было бессознательное влияние веры отцов: для меня – моего дяди, для Менделей – их отца...

Иногда после полуночи, в самый разгар наших споров, в стену смежного кабинета дяди раздавался стук... Фроим спохватывался, на его лице появлялась уморительная гримаса, и, поднявшись на цыпочки, он делал рукой широкий жест меламеда, усмиряющего раскричавшихся хедерников:

– Кин-дер! Ш-ш-а!

И мы расходились веселые и возбужденные... Несомненно, что без Фроима наши занятия шли бы с гораздо меньшей живостью.

Наш дом и сад был недалеко от окраины города. К саду соседа Дробыша примыкал большой пруд. Тут, недалеко, пролегал большой шлях и, как всегда у выезда, ютились кузницы. Зимой на пруду гимназисты катались на коньках. Мы бы-

ли завзятые конькобежцы. Даже Израиль со своей несколько неуклюжей высокой фигурой тоже порой появлялся среди веселой стаи и сосредоточенно, качаясь, как башня, старательно выделявал «голландский шаг». При этом он точно решал какую-то задачу «по законам динамики», и мелкота старалась не попадаться ему на пути во время этих экспериментов. Фроим был в числе первых конькобежцев.

Из кузниц часто выбегали, все в саже, евреи молотобойцы и мальчишки, раздувавшие меха, и смотрели на катанье. При этом, конечно, являлся невольный антагонизм между свободно резвящейся молодежью и такой же молодежью, проводящей целые дни за горнами. Кузнецы часто забавлялись тем, что, наскоро выбежав из кузниц, швыряли под ноги катающихся палки или глыбы льда. Однажды, когда лед был довольно тонок, они под вечер разбили его полосой в одном месте. Ночью эта полоса опять подмерзла, а к утру ее припорошило снегом. После уроков, когда ученики появились на льду, – лукавые кузнецы ничего не сказали, но, видимо, поджидали чего-то. Дробыш, считавшийся самым смелым конькобежцем, разбежался и нечаянно попал на роковую полосу. За ним ввалился другой гимназист...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.